

Н.Ю. Георгиева

*Научно-исследовательский университет, Высшая Школа Экономики,
Пермь, Россия*

Н.Г. Коршунова

Пермский гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

К СТАНОВЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА» В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Актуальность статьи обусловлена антропоцентризмом современного переводоведения. В данном исследовании рассматривается языковая личность переводчика, описываются профессиональные и надпрофессиональные компетенции переводчика. Особое внимание уделено эмоциональной компетенции переводчика в дипломатическом дискурсе. Цель исследования состоит в изучении эмотивности переводчика при переводе текстов дипломатического дискурса. Для достижения поставленной цели были использованы методы анализа, обобщения, сопоставительного анализа. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что эмоционально окрашенная лексика может представлять трудности при переводе текста в дипломатическом дискурсе, для преодоления которых необходимо формирование эмоциональной культуры языковой личности переводчика. Новизна исследования заключается в изучении переводческой эмпатии в дипломатическом дискурсе и проведении сопоставительного анализа эмоционально окрашенных лексических единиц в дипломатическом тексте на русском языке и его переводах на английский и немецкий языки.

В качестве материала исследования использовался текст выступления М.В. Захаровой, официального представителя МИД России, на брифинге в Москве 21 июня 2023 года.

Ключевые слова: антропоцентризм, языковая личность, языковая личность переводчика, эмоциональная культура, эмотивность, дипломатический дискурс.

Сведения об авторах:

Георгиева Наталия Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель департамента иностранных языков НИУ ВШЭ (г. Пермь, Россия); email: ntlgrgv@yandex.ru.

Коршунова Наталья Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации, Пермский гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); email: natigon@yandex.ru.

Введение

На рубеже XX – XXI вв. наблюдается экспансия антропоцентризма в научной сфере, особенно в гуманитарных науках. Антропоцентризм можно считать частным проявлением процесса гуманизации, который в первую очередь касается лингвистики – науки о естественном человеческом языке. Следствием этого процесса является перестройка научных парадигм, среди которых центральное место занимает антропоцентрическая парадигма.

Антропоцентрическая парадигма, т.е. переключение фокуса исследования с объектов познания на субъект, оказала существенное влияние на анализ человека в языке и языка в человеке. Человек занимает центральное место, а язык является главной характеристикой и неотъемлемой частью человека. По мнению С.Г. Воркачева, «на место господствующей сциентистской, системно структурной и статической парадигме приходит парадигма антропоцентрическая, функциональная, когнитивная и динамическая, возвратившая человеку статус «меры всех вещей» и вернувшая его в центр мироздания» [Воркачев, 2001: 64]. Человек немислим вне языка и языковой способности к порождению и восприятию текста. Текст, создаваемый человеком, индивидуален.

Принцип антропоцентризма послужил толчком к возникновению и развитию новых междисциплинарных направлений исследования языка, таких как когнитивная лингвистика, психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, коммуникативная лингвистика, лингвистическая прагматика и др. Антропоцентричность языка проявляется в антропоцентрической системе, в основе которой, по мнению А.Г. Илтубаевой лежит коммуникативный треугольник: адресант (отправитель) – текст (сообщение) – адресат (реципиент) [Илтубаева, 2016: 4].

1. Понятие «Языковая личность»

На современном этапе развития лингвистики и переводоведения ученые все чаще обращаются к понятию «языковая личность» (ЯЛ), которое вошло в понятийный аппарат обеих дисциплин. Наряду с данным понятием, которое получило широкое распространение, начиная с работ Ю.Н. Караулова, выстроившего трехкомпонентную структуру ЯЛ, в научный обиход отечественной лингвоперсонологии вошли такие понятия как полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В.П. Нерознак), этносемантическая личность (С.Г. Воркачев), элитарная ЯЛ (О.Б. Сиротина, Т.В. Кочеткова), элитарная ЯЛ переводчика (Е.В. Аликина, Л.В. Кушникова, М.С. Силантьева), семиологическая личность (А.Г. Баранов), речевая и коммуникативная личность (В.В. Красных), русская языковая личность (Ю.Н. Караулов), языковая и речевая личность (Ю.Е. Прохоров, Л.П. Клобукова), ЯЛ западной и восточной культур (Т.Н. Снитко), словарная ЯЛ (В.И. Карасик), эмоциональная ЯЛ (В.И. Шаховский) и др.

Проследим эволюцию понятия ЯЛ в лингвистике, переводоведении, лингвоперсонологии. Неоспоримую значимость имеет исследование ЯЛ Ю.Н. Карауловым в его фундаментальном труде «Русский язык и языковая личность» [Караулов, 2010]. По мнению ученого, языковая личность – это «сквозная идея, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [Караулов, 2010: 3]. Речь идет о разработанной Ю.Н. Карауловым трехуровневой модели ЯЛ, состоящей из вербально-семантического, или структурно-системного, лингвокогнитивного, или тезаурусного, и мотивационного уровней, и базирующейся на «идеях о трехуровневости процессов восприятия и понимания, которые оказываются тем самым конгруэнтными самому устройству языковой личности» [Караулов, 2010: 51].

2. Языковая личность переводчика

Предметом нашего исследовательского интереса является языковая личность переводчика (ЯЛП) в профессиональном дискурсе, а именно, дипломатической среде, где личностные или надпрофессиональные компетенции приобретают особое значение.

Начнем с того, что фундаментальные положения, касающиеся феномена ЯЛ, заложены Ю.Н. Карауловым, который утверждает, что «к необходимости изучения языковой личности как целостного феномена [...] приходят специалисты самых разных областей» [Караулов, 2010: 25].

Задаваясь вопросом о том, что такое ЯЛ, Ю.Н. Караулов обращается к психологическим исследованиям личности (Платонов К.К., Симонов П.В., Ершов П.М.), в которых «в центре внимания исследователей находятся некогнитивные аспекты человека, т.е. его эмоциональные характеристики и воля, а не интеллект и способности» [Караулов, 2010: 35]. Мы считаем, что данный аспект проявления ЯЛП недостаточно освещен в научных исследованиях, особенно в специальных видах дискурса, в частности, в дипломатическом дискурсе, что мы намерены рассмотреть в рамках данной статьи.

По мнению О.Н. Шевченко, ЯЛП – это особый функционально обусловленный тип языковой личности, которая находится на стыке двух и более культур и является медиатором между ними. Исследователь считает, что характеристики ЯЛП как индивида лишь ограниченно проявляются в тексте перевода, явно они проявляются лишь в случаях расхождения между исходным и переводным текстом, при этом единицей анализа служит переводческая

трансформация [Шевченко, 2005]. На примере языковой личности известного переводчика художественных текстов Б.В. Заходера автор исследования анализирует проявления всех трех уровней и приходит к следующим выводам.

На вербально-семантическом уровне можно наблюдать четыре группы несовпадений: 1) абсолютные несовпадения языковых систем или речевых норм; 2) частотные несовпадения при переводе (введение дополнительных эмоциональных маркеров, дробление предложений); 3) реализация потенциалов переводящего языка (употребление лексем с повторением основ, паремиологическое обогащение текста, введение языковой игры); 4) идиостилевые предпочтения (изменение стилистической окраски лексических единиц, дополнительное членение на абзацы, графические трансформации).

На лингвокогнитивном уровне ЯЛП формируется совокупность концептологических трансформаций, демонстрирующих особенности картины мира исходного текста определенного жанра, лингвокультурные реалии, системы ценностей и менталитета культуры текста оригинала.

На мотивационном уровне ЯЛП проявляется суперинтенция – стремление наиболее адекватно транслировать переводимый текст в принимающую лингвокультуру, ориентация «на структурные компоненты исходного текста (буквальный перевод), ориентация на личность автора и ситуацию создания исходного текста (научно-исследовательский перевод), ориентация на достижение полной естественности способов выражения (прагматический перевод), ориентация на породившую исходный текст культуру (аналитический перевод) [Шевченко, 2005: 4]. Наряду с суперинтенцией ученый выявляет также более частные мотивации, такие как «адаптация к идеологии отечественной детской литературы, ориентация на психологические особенности и уровень знаний детской аудитории, стремление к совмещению функций переводчика и соавтора» [Шевченко, 2005: 5].

В структуре ЯЛП можно выделить зоны повышенной креативности и экстралингвистическую составляющую.

В отличие от типовой ЯЛП, которой свойственны абстрактность, эталонность, собираемость, безличность, в реальной ситуации перевода проявляется индивидуальная ЯЛП, поэтому «переводной текст никогда не равен исходному. Перевод есть интерпретация, т.е., с точки зрения философии, отражение, продукт деятельности всегда несет отпечаток личности создателя» [Шевченко, 2005: 7].

3. Компетенции переводчика

Рассмотрев отличительные особенности ЯЛП, перейдем к анализу его профессиональных и надпрофессиональных компетенций, что позволит нам выявить компетенции переводчика в сфере дипломатического дискурса.

Исследованию переводческого процесса, переводческих компетенций, процесса их формирования, а также личности переводчика посвящены работы И.С. Алексеевой, Л.С. Бархударова, Н.Н. Гавриленко, И.Г. Игнатъевой, О. Кадэ, Ю.Н. Караулова, В.Н. Комиссарова, Л.К. Латышева, А.К. Марковой, Р.К. Миньяра-Белоручева, А.Д. Швейцер и др.

Уточним, что под компетенциями мы понимаем знания, умения и навыки, т.е. набор инструментов, механизмов или ресурсов, которые переводчик использует в своей работе, и которые являются элементами, определяющими переводческую компетентность, т.е. умение переводчика грамотно пользоваться имеющейся у него ресурсной базой знаний, умений и навыков.

Выделяют различные компоненты переводческой компетенции, однако целостная концепция переводческой компетенции (ПК) была разработана В.Н. Комиссаровым, который утверждает, что процесс создания профессиональной ПК ведет к формированию своеобразной языковой личности, отличной от «нормальной», непереводческой личности. Эти отличия проявляются в главных аспектах речевой коммуникации: языковом, текстообразующем, коммуникативном, личностном и профессионально-техническом [Комиссаров, 2002].

Под переводческой компетенцией В.Н. Комиссаров подразумевает не усвоение норм, правил или рецептов для автоматического применения их переводчиком во всех возможных случаях, а владение «принципами, методами и приемами перевода, и умением их выбирать и применять по-разному в конкретных условиях, к разным текстам и для разных целей» [Там же].

Кратко рассмотрим классификацию компонентов профессиональной ПК, предложенную В.Н. Комиссаровым.

Языковая компетенция охватывает все аспекты владения языком, характерные для любого носителя языка, но задача переводчика усложняется необходимостью обладать достаточной двуязычной компетенцией как в рецептивном, так и в продуктивном плане.

Коммуникативная компетенция рассматривается как способность переводчика выступать посредником в межъязыковом и межкультурном общении в различных ситуациях не только интерпретируя смысл, но и прогнозируя и устраняя лакуны в фоновых знаниях участников коммуникации. Характер подобных знаний определяется историей, условиями жизни, традициями, системой образования, литературой, государственной и общественной структурами и другими сторонами жизни языкового коллектива, которые в совокупности составляют его культуру.

Текстообразующая компетенция рассматривается В.Н. Комиссаровым только в плане общих условий успешной коммуникации, в рамках которой переводчик реконструирует смысл текста и выступает не просто ретранслятором информации, а автором нового текста в новых условиях коммуникации для нового реципиента.

Техническая компетенция определяется умением переводчика создать условия для обеспечения успеха коммуникации, одновременно используя два языка, два текста на разных языках, и две различные культуры. Поскольку тексты оригинала и перевода принадлежат к двум разным языковым и речевым системам, то их формальное тождество исключено, и коммуникация осуществляется на основе лишь частичного, относительного соответствия таких текстов, которое должно удовлетворять принципу коммуникативной достаточности.

Л.К. Латышев, исследует процесс формирования ПК и рассматривает ее как «совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих переводчику успешно решать свои профессиональные задачи» [Латышев, 2002:5]. Классификация ПК, предложенная Л.К. Латышевым, включает *базовую* и *прагматическую* части. В свою очередь базовая ПК состоит из *концептуальной* и *технологической* составляющих, а прагматическая ПК – из *специфической* и *специальной*.

Элементы базовой ПК задействуются профессиональным переводчиком во всех видах и тематических жанрах перевода, тогда как прагматическая ПК объединяет знания, умения и навыки, которые необходимы при переводе текстов узкой направленности. Концептуальная составляющая определяет суть перевода, без понимания которой переводчику не избежать буквального перевода, недопустимых вольностей и потерь важных характеристик исходного текста. Технологическая составляющая базовой ПК включает набор переводческих ноу-хау для решения «технических» переводческих трудностей.

Прагматическая ПК определяет диапазон видов перевода, жанров текстов и тем, доступных переводчику. При этом владение определенными видами перевода относятся к специфической составляющей, а жанрово-тематические возможности переводчика – к специальной.

При детальном рассмотрении элементов классификаций, описанных выше, мы предположили, что языковую и коммуникативную компетенции, выделяемые В.Н. Комиссаровым, можно соотнести с базовой частью ПК Л.К. Латышева, т.к. это основные компетенции, которыми должен владеть профессиональный переводчик, вне зависимости от сферы и темы перевода. Текстообразующая и техническая компетенции, определяющие набор необходимых переводческих инструментов и стратегий в специализированном дискурсе, синхронизируются с прагматической частью ПК. В рамках данной статьи компетенции, рассмотренные выше, мы определяем как *профессиональные компетенции*, или *переводческие hard skills* (профессиональные, технические навыки – пер. с англ.).

Наряду с языковыми, лингвострановедческими, общекультурными знаниями и профессиональными навыками, обязательными составляющими ПК являются оптимальные ценностные установки и критерии, а также значимые личностные характеристики, обеспечивающие успешное функционирование переводчика в соответствии с социальными ожиданиями [Галинская, 2009].

Антропоцентрический подход к изучению ЯЛП смещает фокус с языковой составляющей переводческого процесса на личностные *надпрофессиональные компетенции* переводчика, или *переводческие soft-skills* (межличностные навыки, умение общаться с людьми – перев. с англ.).

Среди важных личностных качеств переводчика А.К. Маркова выделяет проникновение в ценностные ориентации и менталитет профессиональной группы, соблюдение профессиональной чести и достоинства группы, мотивационную готовность к самоизменению, определение степени своего индивидуального вклада, и быструю ориентировку в нестандартных профессиональных ситуациях [Маркова, 1996: 113–114].

М.Я. Цвиллинг акцентирует внимание на любознательности переводчика, его логическом мышлении, сосредоточенности, объеме и распределении внимания [Цвиллинг, 1994]. Б.И. Климзо дополняет этот список широким научным и культурным кругозором, неиссякаемой жаждой знаний, высокой эрудицией, наблюдательностью, чувством такта и скромностью [Климзо, 2003].

Решая профессиональные проблемы комплексного характера, переводчик должен пояснить особенности национального характера, менталитета, традиций и культуры, которые могут быть неизвестны сторонам-участникам переводческого процесса [Галинская, 2009].

В связи с тем, что в фокусе нашего исследовательского интереса эмоциональная культура ЯЛП, в дополнение к вышеперечисленным личностным качествам, мы предлагаем рассмотреть эмоциональную компетенцию переводчика, или переводческую эмпатию, а затем проиллюстрируем ее проявления на примерах дипломатического дискурса.

Эмоциональная компетенция, или эмоциональный интеллект, позволяет рассматривать деятельность современного переводчика как социальное явление с возможностью коммуникации между представителями различных социокультурных образований. В связи с этим переводчик должен понимать и учитывать особенности их представителей и специфику взаимодействия с ними, что делает перевод эмоционально интеллектуальным [Серикова, 2020].

Обладая эмоциональной компетенцией, переводчик «считывает» эмоциональный фон участников коммуникативной ситуации и анализирует его с целью выбора наиболее эффективной переводческой стратегии. Структура эмоционального интеллекта включает эмпатию, которая позволяет переводчику рассматривать ситуацию через призму своих эмоциональных переживаний. Социологи выделяют *когнитивную эмпатию*, связанную с пониманием, и *эмоциональную эмпатию*, связанную с сопереживанием.

Когнитивная эмпатия находит свое отражение в межкультурной компетенции переводчика, помогая увидеть и корректно интерпретировать эмоциональное состояние собеседника.

Эмоциональная эмпатия связана с переживанием собственных эмоций в контексте личного опыта собеседника, сопереживанием и состраданием, что отражает межличностную или эмоциональную компетенцию переводчика. В связи с этим, эмоциональная эмпатия может вызывать стресс, особенно в ситуациях военного или судебного устного перевода. Однако подавление эмоциональной эмпатии нежелательно в ситуациях высокого психологического напряжения, особенно в дипломатическом дискурсе, где эмоциональные нюансы особенно важны.

4. Особенности дипломатического дискурса

В фокусе нашего исследовательского интереса находится дипломатический дискурс, один из наиболее закрытых типов дискурса, но привлекающий все большее внимание лингвистов, которые изучают как лексическую и грамматическую стороны, так и систему семантических отношений.

Однако особый интерес вызывают исследования эмотивности в дипломатическом дискурсе, поскольку «при внешнем протокольном запрете на эмоции в дипломатических текстах и интервью выражение эмоций и оценок того или иного события тем не менее присутствует» [Беляков, 2015: 124].

Изучением эмотивности в дипломатическом дискурсе занимаются такие ученые как М.В. Беляков, Д.Е. Березин и др. Их исследования опираются на лингвистическую теорию эмоций, разработанную В.И. Шаховским: «В общем виде суть лингвистического подхода к изучению эмоций выглядит так: есть мир (объект), есть человек (субъект), способный отражать мир. Но отражает этот мир человек не механически, а пристрастно: только то, что ему необходимо в данный момент или по каким-либо причинам интересно. Эмоции этот процесс отражения регулируют, выступая в роли посредника между миром и его отражением в языке человека. Эмоции как психическое явление отражают (то есть воспроизводят) в сознании человека его эмоциональное отношение к миру» [Шаховский, 2008: 5–6]. Ученый ввел в научный понятийный аппарат понятие «эмотивность» для обозначения языковых значений, связанных с выражением эмоций субъектом речи, подчеркивая, что эмоции вербализируются в языке, но «лингвистика позже всех осознала, что эмоции являются ее предметом» [Шаховский, 2008: 7]. В.И. Шаховский составил список приоритетных направлений лингвистики эмоций, среди которых выделим лишь два аспекта, привлекающих наше внимание в рамках данной статьи: механизмы распознавания чужих эмоций и эмоциональная специфика речи в разных условиях общения.

Особый исследовательский интерес с точки зрения эмотивности представляет дипломатический дискурс. Коммуникативный акт и речевое поведение его участников в этом типе дискурса имеют специфические черты. В отличие от языковых личностей других типов дискурса, в дипломатическом дискурсе «за личностью дипломата-переговорщика стоит еще и более крупный коммуникант – государство, которое этот дипломат представляет» [Беляков, 2015: 125]. Следовательно, дипломат выражает не свое личное мнение, а «коллективную» позицию представляемого государства, отражающую мнение его первых лиц. В связи с этим эмотивность речи коммуникантов ограничена традиционным дипломатическим протоколом, имеющим как вербальные, так и невербальные рамки [Там же].

Одной из задач переводчика, участвующего в дипломатическом дискурсе, является распознавание эмотивности в речи дипломата. Категория эмотивности может проявляться как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях языка. В.И. Шаховский выделил следующие группы эксплицитно-эмотивной лексики языка:

1. лексика, называющая, обозначающая эмоции (т.е. дающая им имя): *радость, горе, печаль, траур*;
2. лексика, описывающая эмоции: *дрожать от страха, отчаянно, с презрением*;
3. лексика, выражающая эмоции: *лизоблюд* [Шаховский, 2008].

По мнению М.В. Белякова, в дипломатическом дискурсе допускается лексика, обозначающая эмоции, однако лексика, описывающая и выражающая эмоции, как правило, неприемлема. Имплицитная эмотивность может заключаться в такой лексике, как *самоценный безальтернативный курс, конструктивная повестка дня, подлинно всеобъемлющий* и т.д., что способно вызывать эмоции [Беляков, 2015: 125].

Исследуя эмотивные средства, М.В. Беляков пришел к выводу, что выражать эмоции могут и предикативные единицы: вопросительные и восклицательные высказывания, а также высказывания с повтором, парцелляциями, инверсией. Тем не менее, в дипломатических текстах восклицательные высказывания как эмотивное средство не приняты, т.к. дипломатический дискурс характеризуется относительно нейтральной лексикой и эксплицитными смыслами. Кроме того, ученые считают, что в языке содержится больше средств с негативной оценкой, чем с позитивной, и это наблюдение подтверждается и в дипломатических текстах, например, *пагубность, сбой, вышел из-под контроля, тупиковость, силовой путь, санкционное давление* [Беляков, 2015: 128].

Дипломатический дискурс традиционно отличается некатегоричностью, тактичностью, корректностью и сдержанностью. Типовые свойства дипломатической коммуникации (эзотеричность, толерантность) и ряд правовых ограничений позволяет сохранить в ходе взаимодействия атмосферу спокойствия, сохранить лицо государства и избежать обострения отношений [Волкова, 2011].

5. Анализ проявления переводческой эмпатии

Чтобы проиллюстрировать проявление эмоциональной переводческой культуры и переводческой эмпатии, проанализируем текст выступления М.В. Захаровой, официального представителя МИД России, на брифинге в Москве 21 июня 2023 года. Текст, посвященный 82-й годовщине начала Великой Отечественной войны, размещен на официальном сайте Министерства иностранных дел РФ – mid.ru [Брифинг МИД (а), 2023].

Опираясь на классификацию уровней эмотивности, предложенную В.И. Шаховским, мы выделили в тексте речи М.В. Захаровой следующие группы эксплицитно-эмотивной лексики языка:

1. лексика, называющая эмоции: *скорбь, боль, негодование*.
2. лексика, выражающая эмоции: *вероломное нападение, сателлиты, почему-то с точки зрения кого-то на Западе, коллаборационисты, оккупанты, живучесть нацистской идеологии, умеет «стряпать» подобные делишки, таран для нанесения поражения России, «вскармливание» людей, зверства и беззакония, взращивался извне, нацистская гидра и др.*

Проанализируем перевод фрагментов речи М.В. Захаровой с данной лексикой на английский и немецкий язык. Переводы текстов взяты на официальном сайте mid.ru [22: 23]. Лексику, называющую эмоции, мы находим в следующем примере:

Пример 1

ИЯ (исходный язык): *Вероломное нападение фашистской Германии и ее сателлитов на Советский Союз по-прежнему отзывается скорбью, болью и негодованием за искалеченные судьбы миллионов людей.*

ПЯ 1 (англ.яз.): *That treacherous attack by Nazi Germany and its satellites on the Soviet Union still sends echoes of **grief, pain and outrage** over the millions of trampled and mutilated lives.*

ПЯ 2 (нем.яз.): *Ein heimtückischer Angriff des faschistischen Deutschlands und seiner Satelliten auf die Sowjetunion löst bis heute **Trauer, Schmerzen und Wut** wegen verzerrter Schicksale von Millionen Menschen aus.*

Как видим, оба переводчика используют в текстах перевода лексику, называющую те же эмоции, что и в тексте ИЯ.

Рассмотрим ПЯ 1. В словаре Oxford Advanced Learner's Dictionary [24] мы находим следующие толкования выделенных лексем:

1. **grief** – a very **sad feeling**, especially when somebody **dies** (очень грустное чувство, особенно когда кто-то умирает);
2. **pain** – the **feelings** that you have **in your body** when you have been **hurt** or when you are **ill** (чувства, которые ощущаются в теле после получения травмы или в результате болезни);
3. **outrage** – a **strong feeling of shock and anger** (сильное чувство, вызванное шоком или злостью).

Следует отметить, что русско-английские словари предлагают лексемы *grief* и *pain* в качестве синонимов, подчеркивая тождественность эмоций *скорбь* и *боль*. Однако переводчик ПЯ 1 предпочел развести эти понятия, тем самым усилив эмоциональную составляющую высказывания. Мы можем утверждать, что переводчик сумел передать всю глубину *эмоциональной травмы*, которая неизбежно привела к ее *физическому ощущению*. Вариант перевода эмоции *негодование* имеет более сильный оттенок чем в ИЯ, т.к. из ряда синонимов переводчик выбирает менее нейтральный, подчеркивая, что *скорбь* и вызванная ею *боль*, в результате привели к *негодованию*, некоему выплеску отрицательных эмоций.

При анализе текста ПЯ 2 мы увидели, что лексема *скорбь* является лакуной в немецком языке. Двухязычные словари предлагают для перевода синоним *печаль* – *Trauer*. Мы полагаем, что русская лексема называет более сильную эмоцию. Анализ лексем *негодование* и *Wut* показал, что русская лексема называет менее сильные эмоции: *крайнее недовольство*, *возмущение*. Немецкая лексема называет сильные эмоции: *ярость*, *гнев*. Однако при перечислении эмоций оба переводчика сохраняют *Правило Трех*, которое неизменно используется для убедительности и усиления эффекта эмоций.

В анализируемом фрагменте текста речи М. Захаровой также содержится большое количество лексики, выражающей эмоции. Рассмотрим некоторые лексемы на примерах.

Пример 2

ИЯ: *Если вы прочитаете документальные материалы или посмотрите кадры хроники о Мюнхенском сговоре, то поймете, как ловко Запад умеет «стряпать» подобные делишки.*

ПЯ 1: *If you read documents or watch footage of the Munich pact, you will understand how cleverly the West was able to strike such deals.*

ПЯ 2: *Wenn Sie dokumentarische Materialien lesen und Chroniken über Münchner Komplott sehen, werden sie verstehen, wie gekonnt der Westen solche Machenschaften organisiert.*

Анализ данного примера показывает, что русский глагол *стряпать* используется в переносном уничижительном значении и выражает *сарказм*, *иронию*, *пренебрежение*. Считаем, что данный глагол выражает сильные негативные эмоции *презрения*, *отвращения*, *негодования*.

Анализируя ПЯ 1, мы видим, что переводчик использует идиому *to strike a deal*, которая характеризуется нейтральной коннотацией и означает *успешную сделку*, *особенно в отношении цены и обмена* (*to successfully achieve a deal or agreement, especially regarding an acceptable price or exchange for smth*) [24]. При этом акцентная лексема *делишки* в переводе используется как существительное *deal* (*сделка*) с нейтральным значением. Следовательно, переводчик ПЯ 1 не смог передать всего эмоционального смысла, заложенного автором текста ИЯ.

Переводчик ПЯ 2 также использовал нейтральный глагол *organisieren*, утратив при этом все эмоциональные коннотации ИЯ. Что касается лексемы *делишки*, то она имеет в русском языке уменьшительное и уничижительное значение. В данном примере она вызывает отрицательные эмоции. В тексте ПЯ 2 используется лексема *Machenschaften*, имеющая значения *происки*; *махинации*; *козни*; *интриги*, следовательно, данная немецкая лексема выражает аналогичные негативные эмоции.

Анализ примера 2 текстов ИЯ и ПЯ 2 показал, что переводчик снизил эмоциональную нагрузку текста ПЯ 2.

Проанализируем еще один пример с использованием лексики, вызывающей эмоции.

Пример 3

ИЯ: *Притеснениям, а подчас и вовсе средневековым издевательствам (...) подвергалась русскоязычное население страны (...).*

ПЯ 1: *This involved the harassment of the Russian-speaking population which went as far as medieval witch hunts at times (...).*

ПЯ 2: *Die russischsprachige Bevölkerung wurde verfolgt und auch mittelalterlichen Praktiken (...) ausgesetzt.*

Словосочетание *средневековые издевательства* выражает явные негативные эмоции, которые возникают при упоминании пыток во времена инквизиции. Сама лексема *издевательства* толкуется как «злая, оскорбительная насмешка; оскорбительный поступок или поведение по отношению к кому-л, чему-л.» [БТС, 2014], хотя мы понимаем, что в тексте ИЯ речь идет о более жестоких действиях по отношению к личности.

В ПЯ 1 мы видим, что вместо лексемы *издевательства*, переводчик использует выражение *witch hunts* (*охота на ведьм*), которое имеет имплицитный смысл и несколько отличается от смысла, заложенного в тексте ИЯ. Выражение *охота на ведьм* относит нас к практике средневекового религиозного фанатизма и преследования обвиняемых в колдовстве женщин, которых, как известно, сжигали на костре, что безусловно расценивается как *издевательства*.

Однако переводчик предпочел использовать эвфемизм, чтобы сгладить негативную эмоцию, вызванную ужасом и страхом.

Переводчик текста ПЯ 2 выбирает вариант перевода *mittelalterliche Praktiken*, в котором лексема *Praktiken* имеет значения «прием; обращение (с чем-либо); интриги (pl); происки; проделка; уловка; практика». Ни один из приведенных вариантов значений немецкой лексемы не выражает те эмоции, которые выражает соответствующая русская лексема.

Заключение

Как показало наше исследование, переводческая эмпатия является важной составляющей языковой личности переводчика в дипломатическом дискурсе. Несмотря на традиционную сдержанность и формальность данного типа дискурса, тексты брифингов представителей МИД зачастую выходят за рамки особенностей дипломатического дискурса. Это объясняется тем, что тексты брифингов могут отступать от регламента дипломатического стиля речи и содержать оценочные единицы, выходящие за рамки официально-деловой коммуникации. Эмоционально окрашенные лексические единицы аккумулируют негативную эмотивность и могут представлять трудности для переводчика.

Для преодоления такого рода трудностей переводчику необходимо наряду с профессиональными навыками и умениями развивать надпрофессиональные компетенции, а именно переводческую эмпатию для формирования эмоциональной культуры языковой личности переводчика в дипломатическом дискурсе.

В качестве перспективы исследования мы предполагаем дальнейшее изучение эмоциональной культуры языковой личности переводчика в дипломатическом дискурсе.

Литература:

1. Беляков М.В. Характер эмотивности дипломатического дискурса // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С.124–132.
2. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
3. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 21 июня 2023 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1890329/.
4. Волкова Т.А. Методика анализа дискурса в моделировании перевода дипломатических текстов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://politlingvistika.ru/archive/54646/3/metodika-analiza-diskursa-v-modelirovanii-perevoda-diplomaticheskikh-tekstov>.
5. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2001. № 1. С. 64.
6. Гавриленко Н.Н. Обучение переводу в сфере профессиональной коммуникации. М.: РУДН, 2008.
7. Гавриленко Н.Н. Критерии оценки сформированности профессиональной компетенции отраслевого переводчика. Профессионально ориентированный перевод: Реальность и перспективы: сб. науч. трудов. Москва: РУДН, 2022. Вып. 17. С. 100–123.
8. Галинская Т.Н. Иноязычное деловое общение в подготовке специалистов переводчиков. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2009.
9. Илтубаева А.Г. Языковая игра как средство выражения антропоцентричности языка деловой прессы (на материале английского языка): автореф. дис. канд. филол. наук. Москва, 2016.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
11. Климзо Б.И. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. М.: Р. Валент, 2003.
12. Комиссаров В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу. М.: РЕМА, 1997.
13. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002.
14. Костомаров П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 1. № 2 (58). С. 198–203.
15. Кушнина Л.В. Лингвопрагматический потенциал эмоциональной культуры языковой личности переводчика // Didactica Translatica. Сетевое издание по проблемам дидактики переводческой деятельности. 2022. № 2. С. 4–8.
16. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996.

17. Новикова Л.В. Формирование универсальных навыков у переводчика в соответствии с актуальными требованиями рынка труда // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/93PDMN219.pdf>.
18. Серикова А.В. Эмоциональный интеллект в системе социальных ролей переводчика // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2020. № 4.
19. Цвиллинг М.Я. Требования к личности устного переводчика и проблемы профессиональной подготовки // Перевод и лингвистика текста. М.: ВЦП, 1994. С. 128–135.
20. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. Москва, 2008.
21. Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера): автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
22. Aus dem Pressebriefing der offiziellen Sprecherin des Außenministeriums Russlands, Maria Sachagowa, Moskau, 21. Juni 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1890329/?lang=de.
23. Briefing by Foreign Ministry Spokeswoman Maria Zakharova, Moscow, June 21, 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1890329/?lang=en.
24. Oxford Advanced Learner's Dictionary. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Статья поступила в редакцию 30.06.2023

N.Y. Georgieva

National Research University Higher School of Economics, Perm, Russia

N.G. Korshunova

Perm Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russia

TOWARDS THE FORMATION OF THE NOTION OF EMOTIONAL CULTURE OF TRANSLATOR'S LINGUISTIC PERSONALITY IN THE DIPLOMATIC DISCOURSE

The relevance of the article is caused by anthropocentrism of modern translation studies. This study examines the translator's linguistic personality and describes their professional competencies (hard skills) and extra-professional competencies (soft skills). Special attention is paid to the translator's emotional competence in diplomatic discourse. The study aims to identify the translator's emotionality in the process of translating diplomatic texts. To achieve the goal the methods of analysis, generalisation and comparative analysis were used. The research findings suggest that emotionally coloured vocabulary may present difficulties when translating a text in diplomatic discourse. In order to overcome these difficulties, it is necessary to develop the emotional culture of the translator's linguistic personality.

Key words: anthropocentrism, linguistic personality, linguistic personality of the translator, emotional culture, emotionality, diplomatic discourse.

About the authors:

Georgieva Natalia Yurievna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics (Perm, Russia); email: ntlgrgv@yandex.ru.

Korshunova Natalya Georgievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Romance-Germanic Languages and Intercultural Communication, Perm Humanitarian-Pedagogical University (Perm, Russia); email: natigon@yandex.ru.

References:

1. Belyakov, M.V. "The Nature of Emotionality in Diplomatic Discourse." *Russian Journal of Linguistics*, no. 2, 2015, pp. 124–132.
2. *The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Ed. by S.A. Kuznetsov. Saint Petersburg, 1998. 1st ed, <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
3. *Briefing by M.V. Zakharova, Official Representative of the Ministry of Foreign Affairs of Russia*, Moscow, 21 June 2023, https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1890329/.
4. Volkova, T.A. *Methodology of Discourse Analysis in Modeling Translation of Diplomatic Texts*, <https://politlingvistika.ru/archive/54646/3/metodika-analiza-diskursa-v-modelirovanii-perevoda-diplomaticeskikh-tekstov>.
5. Vorkachev, S.G. "Linguoculturology, Linguistic Personality, Concept. Formation of Anthropocentric Paradigm in Linguistics." *Nauchnye Doklady Vysshej Shkoly. Filologicheskie Nauki*, no. 1, 2001, pp. 64.
6. Gavrilenko, N.N. *Teaching Translation in the Field of Professional Communication*. Moscow, 2008.
7. Gavrilenko, N.N. "Criteria for Evaluating the Formation of Professional Competence of a Sectoral Translator." *Professional'no Orientirovanniy Perevod: Real'nost' i Perspektivy*, Moscow, 2022, Issue 17, pp. 100–123.
8. Galinskaya, T.N. *Foreign-Language Business Communication in Training Interpreters*. Orenburg, 2009.
9. Iltubaeva, A.G. *Linguistic Game as Means of Expression of Anthropocentricity of Language of Business Press (On the English Language)*: Cand. Sci. (Philol.) Diss. Abstr. Moscow, 2016.
10. Karaulov, Y.N. *Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow, 2010. 7th ed.
11. Klimzo, B.I. *The Craft of Technical Translator. About English, Translation and Translators of Scientific and Technical Literature*. Moscow, 2003.
12. Komissarov, V.N. *Theoretical Bases of Translation Teaching Methodology*. Moscow, 1997.
13. Komissarov, V.N. *Modern Translation Studies*. Moscow, 2002.
14. Kostomarov, P.I. "Anthropocentrism as the Most Important Feature of Modern Linguistics." *Bulletin of Kemerovo State University*, vol. 1, no. 2 (58), 2014, pp. 198–203.
15. Kushnina, L.V. "Linguopragmatic Potential of Emotional Culture of a Translator's Linguistic Personality." *Didactica Translatica. Setevoe Izdanie po Problemam Didaktiki Perevodcheskoy Deyatel'nosti*, no. 2, 2022, pp. 4–8.
16. Markova, A.K. *Psychology of Professionalism*. Moscow, 1996.
17. Novikova, L.V. "Formation of Universal Skills in a Translator in Accordance with the Current Requirements of the Labor Market." *World of Science. Pedagogy and Psychology*, vol. 7, no. 2, 2019, <https://mir-nauki.com/PDF/93PDMN219.pdf>.
18. Serikova, A.V. "Emotional Intelligence in the System of Social Roles of an Interpreter." *Moscow University Translation Studies Bulletin*, no. 4, 2020.
19. Zwillig, M.Y. "Requirements to the Personality of Interpreter and Problems of Professional Training." *Perevod i Lingvistika Teksta*, 1994, pp. 128–135.
20. Shakhovskiy, V.I. *Linguistic Theory of Emotions*. Moscow, 2008.
21. Shevchenko, O.N. *Linguistic Personality of a Translator (on the Material of B.V. Zakhoder's Discourse)*: Cand. Sci. (Philol.) Diss. Abstr. Volgograd, 2005.
22. *Aus dem Pressebriefing der offiziellen Sprecherin des Außenministeriums Russlands, Maria Sacharowa, Moskau, 21. Juni 2023*, https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1890329/?lang=de.
23. *Briefing by Foreign Ministry Spokeswoman Maria Zakharova, Moscow, June 21, 2023*, https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1890329/?lang=en.
24. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*, <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.

Received 30.06.2023